

УДК 930

М. Н. Шевченко

Об эволюции чина венчания на царство российских монархов во второй половине XVI века

В статье рассматривается история развития чина венчания на царство. Анализируется обряд коронования Иоанна IV Васильевича и Федора Иоанновича. Исследуются причины и характер изменений, вносимых в обряд поставления российских царей. Даны предложения по систематизации правок, которым подвергался чин венчания на царство. В настоящей работе использовались историко-генетический, историко-сравнительный, структурно-типологический методы исследования. На основе анализа источниковой базы сделаны выводы, что для эволюции чина характерны две амбивалентные черты. С одной стороны, чин венчания был призван гарантировать преемственность и защиту от новизны, а с другой стороны, он сам подвергался изменениям под влиянием коллизий династической и политической истории России. Дополнения в порядок возведения на престол вносились в основном по двум направлениям. Во-первых, «обновлялись» основы легитимности передачи царской власти и связанных с ней регалий, титулов, полномочий. Во-вторых, вносились коррективы, призванные полнее выразить сущность и характер царской власти. Результаты настоящего исследования могут послужить материалом для дальнейшего изучения идеологии царской власти и многочисленных форм ее репрезентации.

Ключевые слова: чин венчания на царство, репрезентация царской власти, Пространная редакция обряда коронования, наследование трона, Иоанн IV Васильевич, Федор Иоаннович.

Важным условием успешного развития государства является тесная взаимосвязь желаемых, идеальных образов своей страны, существующих в мировоззрении правителя и его окружения, с реальной внешней и внутренней политикой государства. Любое правительство осуществляет постоянную репрезентацию идейного содержания официальной модели власти с целью формирования в общественном сознании ожидаемого восприятия и отношения к государственной власти.

Исследователь Р. Уортман предложил рассматривать монархию «как систему власти, которая не способна существовать без одновременного порождения мифической реальности, без постоянно возобновляемой, изобретательной репрезентации в словесных и артистических, поведенческих, архитектурных и прочих образах» [9, с. 43—44].

Церемонии с участием царя являются частью форм проецирования образа государственной власти на массовое сознание. Многообразие видов репрезентации царской власти в исследовательской литературе часто объединяют в несколько групп. Обряд венчания на царство, который рассматривается в данной статье, принято относить к группе церемоний, в которых наиболее полно выражаются фундаментальные политические идеи об основах власти и миссии монарха [1, с. 255].

Ритуалы коронации российских монархов издавна приковывают внимание ученых. Выбирая объектом исследования чин венчания российских монархов на царство, историки чаще всего изучают его в контексте сравнения с чином венчания византийских императоров, а также с иными придворными и церковными церемониями и обрядами [5, с. 225—228; 8, с. 181—182; 9, с. 53—57; 23, с. 26—31].

В то же время следует говорить о том, что чин венчания на царство в некотором роде выступал проекцией основных вопросов социальной и политической жизни страны. В этой связи, на наш взгляд, научный интерес представляет анализ характера изменений, которым подвергался обряд коронования российских монархов во второй половине XVI в.

© Шевченко М. Н., 2017

В исследовательской литературе принято выделять Краткую [13, с. 150—151; 14, с. 468—469; 15, с. 49—50; 16, с. 180—181; 21, с. 41—43] и Пространную [2, с. 42—90; 7, с. 41—53; 12, с. 4—35] редакции чина венчания Иоанна IV на царство. Появление Пространной редакции связано со стремлением московского правительства придать легитимность царскому титулу Иоанна Васильевича на международной арене [20, с. 146—151; 24, с. 109—110].

Пространная редакция является детальным описанием обряда коронования и представляет собой подобие документа-инструкции [18, с. 11—12]. Со временем данная редакция была занесена в церковный Типикон «как бы в ограждение от перемен, которым он (чин венчания. — *М. III.*) мог подвергаться в тогдашних приказах» [2, с. 42, примечание № 1]. Именно Пространная редакция чина легла в основу коронаций всех последующих российских монархов [4, с. 91—96; 22, с. 422].

Перечислим те сюжеты, которые отсутствовали в Краткой редакции и вошли в состав Пространной редакции чина венчания на царство:

- введено описание переноса царских инсигний в Успенский храм;
- появилось описание шествия многочисленной царской процессии в храм Успения Богородицы;
- в обряд венчания, проходивший в Успенском соборе, были включены речи Великого князя-отца и поставляемого Великого князя к митрополиту, а также речь митрополита к венчаемому на царство;
- в чин венчания была включена формула «если нет отца Великого князя»;
- среди царских регалий фигурирует скипетр и цепь из аравийского золота;
- появилось поздравление Великому князю по поводу его венчания на царство, с упоминанием имени царицы Анастасии;
- включено поучение митрополита к царю;
- помещен обряд миропомазания;
- введено подробное описание шествия царской процессии из Успенского собора в Архангельский и Благовещенский храмы и далее в царские палаты после завершения обряда коронования [2, с. 44—65].

В обряд коронования преемников Иоанна Грозного оперативно вносились дополнения в качестве реакции на изменения в придворной, внутри- и внешнеполитической жизни страны. Уже в чине венчания Федора Иоанновича появился ряд важных поправок:

- царские инсигнии несли в Успенский храм не из царских палат [7, с. 41], а, согласно летописи, от Казенного двора. При этом царские регалии нес не один человек — духовник царя, а несколько людей, «камуждо что поручено» [16, с. 230];
- из речей Федора Иоанновича и митрополита Дионисия «выпала» формулировка «первый сын». Употребляется либо просто «сын» [21, с. 75—76], либо оборот «большим сыном» [16, с. 231], т.е. старшим сыном, которого Иоанн Васильевич «нарек царем и Великим князем всеа Русии»;
- после венчания Иоанна IV Васильевича на царство его титул нашел отражение в чине поставления Федора Иоанновича: «...благочестивый *Царь* (здесь и далее курсив мой. — *М. III.*) и Великий Князь Иван Васильевич...» [21, с. 75];
- если Иоанн Грозный благословлялся на «Великое Княжество» [2, с. 48], то Федор Иоаннович уже благословлялся на «Царство и Великое Княжество» [21, с. 75];
- вхождение территории Казанского и Астраханского ханств в состав Московского государства отразилось и на обряде венчания. В тексте чина Федор Иоаннович благословлен на «...*Царство* и Великое Княжество Владимирское и Новгородское и Московское и всея Руси и *Царство Казанское* и *Царство Астраханское*...» [21, с. 75];

- в речи митрополита, обращенной к поставляемому Великому князю, в отношении деда Федора Иоанновича, Василия III, стал употребляться титул «царь». В соответствии с новой редакцией чина отец монарха, Иоанн IV, принял во владение государство, именуемое не Великим княжеством, а «царством»: «...*Царь* и Великий Князь Василий Иванович, Божьей милостью, государь всея Руси самодержец... а благословил при себе еще и после себя *Царством* и Великим Княжеством и всеми государствами всея великия Россия сына своего, отца твоего, блаженной памяти благочестивого Царя и Великого Князя Ивана Васильевича...» [21, с. 75—76];

- в чин венчания на царство Федора Иоанновича вошли несколько речевых оборотов, которые закрепляли за ним право наследования отцовского трона, приводя в качестве аргументов отцовскую волю и Божий Промысел:

1) в речи поставляемого монарха к митрополиту после слов «...и велел мне стать на Царство и Великое княжество, и помазаться и венчаться царским венцом...» делается дополнение: «...*именоваться и отписываться в титуле Царем и Великим Князем и отчимем и дедичем и наследником Российского Царствия...*» [21, с. 75];

2) в речи митрополита, обращенной к Федору Иоанновичу, появляется вставка: «...а тебя, *Богом дарованного, и благородного... и от Бога предуготованного на Царство* его наследника, сына своего Феодора, при себе еще и после себя благословил Царством...» [21, с. 76];

3) из уст митрополита рефреном звучит фраза, которая в чине венчания Иоанна Грозного фигурирует только в речи Великого князя, поставляемого на царство: «...да о том отец твой... и в духовной написал...» [21, с. 76];

- среди упоминаемых регалий царского сана появляется яблоко (держава) [16, с. 231—232];

- в «Многая лета» Великому князю добавлено несколько славословий в адрес венчаемого на царство: «Многая лета боговенчанному Царю и Великому Князю: благоверному, и *благородному*, и Христолюбивому, Богом избранному, и Богом почтенному, и *Богом возлюбленному, и поставленному, и Богом венчанному Царю* и Великому Князю Федору Ивановичу, Владимирскому, и *Московскому*, Новгородскому и *Казанскому, и Астраханскому*, и всея Руси Самодержцу, многая лета» [21, с. 79];

- супруга Федора Иоанновича включена в церемонию в качестве лица, принимающего участие в торжестве: «И по совершении божественных служб иде государь по посланному пути к соборному храму Архистратига божия Михаила во всем пристроении царскаго величества. *А царица Ирина стояла в Грановитой полате в окне и с нею чesнородны княгини и боярони*. И быв государь у гробов отца своего и протчих прародителей, и иде ко Благовещению, и тут государя осыпал золотыми денгами тот же боярин князь Иван Федорович Мстиславской... и *в царицыных полатах на месте с царицею Мариною Федоровною еще осыпал*» [16, с. 232].

Рассматривая проблему истоков российского чина венчания на царство, исследователи, как правило, апеллируют к чинам венчания византийских императоров. И все же у византийских и русских обрядов коронации было промежуточное звено — чин поставления на Великое княжение Дмитрия Ивановича внука в 1498 г.

Составители чина венчания на царство очень многое позаимствовали из обряда поставления на Великое княжение [27, с. 220—222]. По сути, документ и описанный в нем церемониал, составленный в конце XV в., целиком лег в основу Пространной редакции обряда коронования Иоанна Грозного и Федора Иоанновича (а также Бориса Годунова). Из чина поставления Великого князя были взяты как последовательность осуществления церемонии (устройство в Успенском соборе места для поставления монарха, речь Вели-

кого князя-деда/отца к митрополиту, порядок молитв и облачения в великокняжеский/царский сан, вплоть до финального шествия монарха в Архангельский и Благовещенский собор [19, с. 608—625]), так и значительное количество речевых оборотов, призванных обосновать права наследования престола, объяснить политические изменения в стране, сформировать величественный образ российской монархии.

Приведем несколько примеров. Первой отметим формулу «от наших прародителей старина наша то и до сих мест», которая, по всей видимости, должна была наделить статусом древнейшей традиции складывающийся порядок наследования власти в Московском государстве: «Божиим велением от наших прародителей князей старина наша то и до сих мест: отцы, великии князи, сыном своим первым давали княжество великое. И отец мой, князь велики, меня при себе еще благословил великим княжеством, и аз был своего сына прѣваго Иоанна при себе же благословил великим княжеством...» [2, с. 47—48; 19, с. 608—622; 21, с. 75]. Заметим, что из трех обрядов коронавания XVI в. речевой оборот «сыном своим первым» есть только в чине венчания Иоанна Васильевича.

Формула «в сына моего место», по-видимому, призвана была придать легитимность ситуации, которая предполагала наследование престола кем-либо помимо старшего сына Великого князя: «Божиа паки воля състалася — сына моего Иоанна не стало, а у него остался сын первой Дмитрей, и мне дал его бог в сына моего место, и яз его ныне благословляю при себе и опосле себя великим княжеством Володимерьским и Новгородским. И ты бы его, отче, на великое княжество благословил...» [19, с. 609, 615, 622]. По всей вероятности, именно в этой связи в чине венчания на царство Иоанна Васильевича и Федора Иоанновича к такой легитимной основе наследования власти, как «и отец мой, Великий князь, еще при себе и после себя благословил Великим княжеством», было добавлено «об этом отец мой Великий князь в своей духовной грамоте написал» [2, с. 48; 21, с. 75—76].

Реминисценцию формулы «вместо первого сына» можно обнаружить в чине венчания Федора Иоанновича, где формулировка «первый сын» заменена либо на просто «сын», либо на «большой сын». Новое коннотативное значение указанная формула приобрела в беспрецедентном для того времени венчании на царство Бориса Годунова, человека, не входящего в состав наследников великокняжеского царского дома: легитимный «царь Феодор Иванович... приказал, избрати на царство... кого благоволит» и легитимная же «царица... Ирина... приказала и говорила тож избрати на царство... о ком вам Бог благоволит» [7, с. 239].

В поучении митрополита Симона к Великому князю Дмитрию есть следующие слова: «Господину и сыну, Князь Велики...», «И ты, господине и сыну, имей страх божий в сердци, люби правду и милость и суд правои...» [2, с. 47—48; 19, с. 612, 619, 624; 21, с. 79—80] и т.д. Приведенные речевые обороты, на наш взгляд, должны были определять содержание церковно-государственных отношений, роль и значение государя в общественно-политической системе страны.

Из обряда поставления 1498 г. были перенесены и все молитвы, вокруг которых выстраивалась процедура возложения государевых регалий на Великого князя. По мнению А. В. Горского и К. И. Невоструева, молитвы «Господи, боже наш! Царю царствующим и Господь господствующим...» и «Тебе, единому Царю веком...» [2, с. 51—52; 19, с. 610, 616—617; 21, с. 77] в неизменном виде были заимствованы из византийских обрядов венчания на царство [6, с. 146—147].

Взяв за основу обряд поставления Дмитрия Иоанновича, составители Пространной редакции чина коронавания Иоанна Васильевича и Федора Иоанновича внесли в нее ряд изменений. Ключевым дополнением стало миропомазание. В чине венчания на царство

Великий князь-отец/дед утратил доминирующую роль над всеми участниками церемонии. Главными действующими лицами обряда стали поставляемый на царство Великий князь и митрополит. Например, в состав обряда XVI в. вошли речь поставляемого Великого князя к митрополиту и ответная речь митрополита к нареченному Великому князю перед началом церемонии коронации [2, с. 51—52; 21, с. 75—76]. Возложение инсигний стало прерогативой митрополита, тогда как в чине поставления Дмитрия Великий князь собственноручно возлагал на внука княжеские регалии, митрополит лишь передавал князю принесенные ему с наложья двумя архимандритами бармы и шапку [19, с. 610, 617, 622—623]. Поучение Великого князя к новопоставленному убрали, при этом сильно увеличили в объеме поучение митрополита, куда вошло изложение официального взгляда на природу происхождения, пределы и прерогативы царской власти [26]. Вместе с тем в чин венчания на царство были добавлены подробный рассказ о шествии с царскими инсигниями в Успенский собор и тщательное описание царской процессии. В целом чин венчания на царство является более пространным и подробным.

Значительное количество правок, внесенных в чин венчания на царство в XVI в. за довольно короткий промежуток времени, наводит на мысль, что данный документ имел важное правительственное значение. Изменения, вносимые в обряд коронации, можно объединить в несколько групп.

Во-первых, это дополнения, призванные подчеркнуть особую значимость царской власти в сравнении с властью любого другого представителя знати или монарха. С этой целью создавался уникальный по значению и масштабу церковно-государственный праздник:

- организовывались массовые, богато украшенные шествия с царскими инсигниями и государем;
- вокруг фигуры монарха формировался ореол сакральности, по сути, обряду придали особый вид богослужения с многочисленными молитвами, ектениями, тропарями, поучением и миропомазанием;
- в текст чина вводились царские регалии, употребляемые при коронации европейских монархов.

В связи с этим следует сказать несколько слов о скипетре и державе, которые являлись важными государственно-политическими символами. Данные регалии могли не использоваться во время венчания монарха, но нередко становились частью царского сана уже при жизни Великого князя и входили в практику поставления на трон следующего государя. Известно, что скипетр в качестве царской инсигнии упоминается в Пространной редакции чина венчания на царство Иоанна IV, но впервые реально принял участие в обряде коронации Федора Иоанновича в 1584 г. Тем не менее скипетр уже при жизни царя Иоанна Васильевича вошел в состав его царских инсигний. В частности, использовался во время приема иностранных послов. Держава, упоминаемая «Московским летописцем» в описании венчания на царство Федора Иоанновича, в реальности стала частью царского сана в обряде коронации Бориса Годунова в 1598 г. [3, с. 12; 10, с. 29, 39, 43; 17, с. 164, 167; 25, с. 190—191; 28, с. 170—171].

Во-вторых, прибавления, которые были призваны связать историческое прошлое с настоящим и придать современности статус традиции. Образ «седой старины» формировался на основе историко-легендарных фактов. Например, в чине венчания на царство нашли отражение фрагменты легенды из «Сказания о князьях владимирских» о даровании царских регалий византийским императором киевскому князю Владимиру Мономаху. Целенаправленно «удревнялась» принадлежность царского титула московским князьям. Князей, которые никогда не носили царского титула, именовали царями. В обряде находили отра-

жения и славные вехи истории Российского государства в виде включения в титул Великих князей новых титулярных элементов — царь Казанский и царь Астраханский.

В-третьих, изменения, которые были призваны решать деликатные династические вопросы в тех случаях, когда права претендента на трон могли не являться очевидными и/или считаться подозрительными. Вносимые в документ дополнения должны были развеять сомнения о принадлежности права наследования престола венчаемому на царство монарху. Логические конструкции встраивались в текст и преподносились как часть древней традиции. Например, вставка «...*Богомъ дарованнаго, и благороднаго... и от Бога предуготованнаго на Царство...*» и дублирование фразы «да о том отец твой... и в духовной написал», на наш взгляд, связаны с исчезновением из обряда коронования Федора Иоанновича формулировки «первый сын». Как известно, сын Иоанна IV, Иоанн Иоаннович, был при жизни отца провозглашен наследником. Соответствующим образом была составлена и духовная грамота. Впоследствии духовная грамота была изменена. Но митрополит в обряде венчания на царство, произнося указанные дополнения, выступал перед лицом общества своего рода заверителем права наследования, отходившего к Федору Иоанновичу. Так обряд коронования становился гарантом легитимности передачи власти от одного монарха к другому.

В-четвертых, дополнения, которые были призваны найти решение для ситуации, когда царский титул в практике международных отношений закрепился за одним представителем династии, но не за династией в целом. Каждому новому наследнику предстояло добиваться международного признания его права на царский титул. Надо полагать, с данной необходимостью было связано внесение в чин коронования Федора Иоанновича дополнения: «...велел мне... помазаться и венчаться царским венцом... *именоваться и отписываться в титуле Царем и Великим Князем и отцем и дедичем и наследником Российского Царствия...* по древнему нашему чину...».

В-пятых, введение в чин венчания новых участников из состава царской семьи или ближайшего царского окружения (например, супруги Федора Иоанновича царицы Ирины Федоровны Годуновой).

Таким образом, чин венчания на царство стал уникальным общественно-политическим явлением в жизни страны. С одной стороны, обряд коронования представлял собой форму коммуникации. На массовое сознание осуществлялась проекция образа государственной власти, в контексте которой подробно раскрывались незыблемые основы самодержавия московских князей, истолковывались вопросы происхождения, пределов и прерогатив их властных полномочий. Государственной власти придавались сакральные черты, формировался величественный облик российской монархии. С другой стороны, обряд коронования, по всей видимости, являлся гарантом преемственности политической и церковно-религиозной традиции. Также он свидетельствовал о легитимной передаче власти, являясь законным основанием религиозно-политических полномочий государя. Вместе с тем обряд коронования закреплял принадлежность царских регалий и титула за всеми последующими монархами правящей династии. В то же время история обряда поставления российских государей сочетала амбивалентные черты. Чин венчания на царство был призван олицетворять незыблемость, неизменность, защиту от новизны. В противоположность этому обряд подвергался изменениям под влиянием процессов династической, политической и церковно-религиозной истории России XVI в.

Список использованных источников и литературы

1. Андреев И. Л. Образ шествующей власти. Первые Романовы в церковных и придворных церемониях // *Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время* / под ред. М. А. Бойцова и О. Г. Эксле. М. : Наука, 2008.

2. Барсов Е. В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси. М. : Университетская типография, 1883.
3. Бобровницкая И. А. Регалии российских государей. М. : ИД Максима Светланова, 2004.
4. Богданов А. П. Русские Патриархи (1589—1700) : в 2 т. Т. 1. М. : ТЕРРА : Республика, 1999.
5. Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века [репринт изд. Пг., 1916]. М. : Издат. дом «Территория будущего», 2006.
6. Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. III. Книги богослужебные. Ч. I. М. : Синодальная типография, 1869.
7. Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. Т. 1. СПб. : Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. № 39.
8. Зызыкин М. В. Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи. Варшава : Синодальная типография, 1931.
9. Зызыкин М. В. Царская власть и Закон о Престолонаследии в России. София, 1924.
10. Иностранцы о древней Москве: Москва XV—XVII вв. / сост. М. М. Сухман. М. : Столица, 1991.
11. Как сделана история (Обсуждение книги Р. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии российской монархии») // Новое литературное обозрение. 2002. № 56 (4). С. 42—66.
12. Новиков Н. Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд. Ч. VII. М. : Типография Компании Типографической, 1788.
13. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Ч. I. СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1904.
14. Полное собрание русских летописей. Т. XX. Ч. II. СПб. : Типография М. А. Александрова, 1914.
15. Полное собрание русских летописей. Т. XXIX. М. ; Л. : Наука, 1965.
16. Полное собрание русских летописей. Т. XXXIV. М. ; Л. : Наука, 1978.
17. Пчелов Е. В. Посох, скипетр, жезл: из истории регалий Московского царства // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. «Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований». 2012. № 21 (101). С. 159—173.
18. Ромодановская Е. К. Литературные предисловия к документам Древней Руси // Документальные аспекты литературы : сб. науч. тр. / Ин-т филологии СО РАН ; отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск : РИЦ НГУ, 2011.
19. Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Вып. 1—4. 1986—1988. Вып. 3. М. : Ин-т истории СССР АН СССР, 1987.
20. Савва В. Московские цари и византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование царской власти московских государей. Харьков : Типография и литография М. Зильберберг и сыновья, 1901.
21. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. II. М. : Типография Селивановского, 1819.
22. Успенский Б. А. Поставление на царство в русской и византийской традициях // Православное учение о церковных таинствах : материалы V Междунар. богословской конф. Русской Православной Церкви. Москва, 13—16 нояб. 2007 г. М. : Синодальная библейско-богословская комиссия, 2009. Т. 3.
23. Успенский Б. А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М. : Школа «Языки русской культуры», 2000.
24. Успенский Б. А. Царь и Патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М. : Школа «Языки русской культуры», 1998.
25. Хорошкевич А. Л. Единорог Большой государственной печати Ивана Грозного // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: чтения памяти В. Б. Кобрин : тез. докл. и сообщений, Москва, 26—29 янв. 1992 г. / отв. ред. В. А. Муравьев. М. : Изд-во РГГУ, 1992.
26. Шевченко М. Н. Учение о сущности царской власти, изложенное в Пространной редакции чина венчания на царство Великого князя Иоанна IV Васильевича // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2016. № 3 (11). С. 156—161.
27. Щапов Я. Н. К изучению «Чина венчания на царство» Ивана IV // Римско-константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика: IX Междунар. семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» (Москва, 29—31 мая 1989 г.) / отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : Наука, 1995.
28. Юзефович Л. А. Путь посла: Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал: Конец XV — первая половина XVII в. СПб. : Изд. Ивана Лимбаха, 2007.

Поступила в редакцию 21.12.2016

Шевченко Максим Николаевич, кандидат исторических наук
Омская духовная семинария Омской Епархии Русской Православной Церкви (Московского Патриархата)
Российская Федерация, 644024, г. Омск, ул. Лермонтова, 56, корп. 2
E-mail: maxsh1978@yandex.ru

UDC 930

M. N. Shevchenko

Evolution of the coronation ceremony of Russian monarchs in the second half of XVI century

The article discusses the history of the coronation ceremony. It analyzes the coronation of Ivan IV Vasilyevich and Fyodor Ivanovich and reveals the reasons and the nature of changes made to the coronation ceremony of Russian tsars. The author suggests the principle to systematize these changes. The given paper applied the historical-genetic, historical and comparative, structural and typological research methods. The analysis of the database let the authors conclude on two ambivalent characteristics of the coronation ceremony evolution. On the one hand, the ceremony was to ensure the continuity and prevent innovations and on the other hand, it was exposed to changes influenced by dynastic and political turbulence. The amendments to the enthronement procedure were made mainly in two directions. Firstly, the legitimacy principle of royal succession and transition of the due regalia, titles and powers was updated. Secondly, the adjustments were introduced to fully express the essence and character of the royal power. The results of this study may serve as material for further studies of royal power ideology and its many forms of representation.

Key words: coronation ceremony, royal power representation, Extensive edition of the coronation ceremony, succession to the throne, Ivan IV Vasilyevich, Fyodor Ivanovich.

Shevchenko Maksim Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences
Omsk Seminary in Omsk diocese of the Russian Orthodox Church (the Moscow Patriarchate)
Russian Federation, 644024, Omsk, ul. Lermontova, 56, korp. 2
E-mail: maxsh1978@yandex.ru

References

1. Andreev I. L. *Obraz shestvuyushchei vlasti. Pervye Romanovy v tserkovnykh i pridvornnykh tseremoniyakh* [Image of the acting power. The first Romanovs in church and court ceremonies]. *Obrazy vlasti na Zapade, v Vizantii i na Rusi: Srednie veka. Novoe vremya / pod red. M. A. Boitsova i O. G. Eksle* [Images of Western power in Byzantium and in Russia: the Middle Ages. New Era, ed. by M. A. Boytsov and O. G. Eksle]. Moscow, Nauka Publ., 2008. (In Russian)
2. Barsov E. V. *Drevnerusskie pamyatniki svyashchennogo venchaniya tsarei na tsarstvo v svyazi s grechskimi ikh originalami. S istoricheskim ocherkom chinov tsarskogo venchaniya v svyazi s razvitiem idei tsarya na Rusi* [Old Russian artifacts of the sacred coronation ceremony in relation to their Greek originals. From a historical essay on coronation ceremony considering the developing idea of a tsar in Rus' (Ancient Russia)]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1883. (In Russian)
3. Bobrovnikskaya I. A. *Regalii rossiiskikh gosudarei* [Regalia of Russian monarchs]. Moscow, ID Maksima Svetlanova Publ., 2004. (In Russian)
4. Bogdanov A. P. *Russkie Patriarkhi (1589—1700) : v 2 t.* [Russian Patriarchs (1589—1700): in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow, TERRA Publ., Respublika Publ., 1999. (In Russian)
5. Val'denberg V. E. *Drevnerusskie ucheniya o predelakh tsarskoi vlasti: Ocherki russkoi politicheskoi literatury ot Vladimira Svyatogo do kontsa XVII veka* [reprint izd. Petrograd, 1916] [Old Russian doctrine on the limits of royal power: Russian political essays from Saint Vladimir until the end of the XVII century [reprint ed. Petrograd 1916]]. Moscow, Izdat. dom "Territoriya budushchego" Publ., 2006. (In Russian)
6. Gorskii A. V., Nevostruiev K. I. *Opisanie slavyanskikh rukopisei Moskovskoi Sinodal'noi biblioteki. Otd. III. Knigi bogoslužebnye. Ch. I* [Description of Slavic manuscripts from Moscow Synodal Library. Dep. III. Liturgical books. Part I]. Moscow : Sinodal'naya tipografiya Publ., 1869. (In Russian)

7. *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannym i izdannym arkhograficheskoi komissiei. T. I* [Additions to the acts of historical, collected and published Archaeological Commission. Vol. I]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii Publ., 1846. No. 39. (In Russian)
8. Zyzykin M. V. *Patriarkh Nikon: ego gosudarstvennye i kanonicheskie idei* [Patriarch Nikon: his state and canonical ideas]. Varshava, Sinodal'naya tipografiya Publ., 1931. (In Russian)
9. Zyzykin M. V. *Tsarskaya vlast' i Zakon o Prestolonasledii v Rossii* [Imperial power and the Succession Law in Russia]. Sofiya, 1924. (In Russian)
10. *Inostrantsy o drevnei Moskve: Moskva XV—XVII vv. / sost. M. M. Sukhman* [Foreigners on ancient Moscow: Moscow of XV—XVII centuries, comp. by M. M. Suhman]. Moscow, Stolitsa Publ., 1991. (In Russian)
11. Kak sdelana istoriya (Obsuzhdenie knigi R. Uortmana «Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii rossiiskoi monarkhii») [How to make a story (Discussing the book by R. Wortman «Scenarios of power. Myths and ceremonies of Russian monarchy»)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2002, no. 56 (4), pp. 42—66. (In Russian)
12. Novikov N. *Drevnyaya Rossiiskaya Vivliofika. 2-e izd. Ch. VII* [Ancient Russian library. 2nd ed. Part VII]. Moscow, Tipografiya Kompanii Tipograficheskoi Publ., 1788. (In Russian)
13. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. XIII. Ch. I* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XIII. Part I]. St. Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova Publ., 1904. (In Russian)
14. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. XX. Ch. II* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XX. Part II]. St. Petersburg, Tipografiya M. A. Aleksandrova Publ., 1914. (In Russian)
15. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. XXIX* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXIX]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. (In Russian)
16. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. XXXIV* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXXIV]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1978. (In Russian)
17. Pchelov E. V. Posokh, skipetr, zhezl: iz istorii regalii Moskovskogo tsarstva [Baculus, scepter, rod: history of insignia of Moscow tsardom]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Ser. "Istoricheskie nauki. Istoriografiya. Istochnikovedenie. Metody istoricheskikh issledovanii"*, 2012, no. 21 (101), pp. 159—173. (In Russian)
18. Romodanovskaya E. K. Literaturnye predisloviya k dokumentam Drevnei Rusi [Literary foreword to the documents of ancient Russia]. *Dokumental'nye aspekty literatury : sb. nauch. tr.* [Documentary aspects of literature, coll. of scientific works]. Novosibirsk, RITs NGU Publ., 2011. (In Russian)
19. *Russkii feodal'nyi arkhiv XIV — pervoi treti XVI veka. Vyp. 1—4. 1986—1988. Vyp. 3* [Russian feudal archive of XIV — first third of XVI century. Iss. 1—4. 1986—1988. Iss. 3]. Moscow, In-istorii SSSR AN SSSR Publ., 1987. (In Russian)
20. Savva V. *Moskovskie tsari i vizantiiskie vasilevsy: k voprosu o vliyanii Vizantii na obrazovanie tsarskoi vlasti moskovskikh gosudarei* [Moscow tsars and Byzantine Basileis: the question of the influence of the Byzantine Empire on royal power in Moscow]. Khar'kov, Tipografiya i litografiya M. Zil'berberg i synov'ya Publ., 1901. (In Russian)
21. *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del. Ch. II* [Collection of government charters and treaties stored in the State board for Foreign Affairs. Part II]. Moscow, Tipografiya Selivanovskogo Publ., 1819. (In Russian)
22. Uspenskii B. A. Postavlenie na tsarstvo v russkoi i vizantiiskoi traditsiyakh [Coronation in Russian and Byzantine traditions]. *Pravoslavnoe uchenie o tserkovnykh tainstvakh : materialy V Mezhdunar. bogoslovskoi konf. Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. Moskva, 13—16 noyab. 2007 g.* [Orthodox theory of sacraments: proceedings of the V Intern. theological Conf. of Russian Orthodox Church. Moscow, Nov. 13—16. 2007]. Moscow, Sinodal'naya bibleisko-bogoslovskaya komissiya Publ., 2009. Vol. 3. (In Russian)
23. Uspenskii B. A. *Tsar' i imperator: Pomazanie na tsarstvo i semantika monarshikh titulov* [Tsar and Emperor: Anointing to reign and semantics of royal titles]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury" Publ., 2000. (In Russian)
24. Uspenskii B. A. *Tsar' i Patriarkh: kharizma vlasti v Rossii (Vizantiiskaya model' i ee russkoe pereomyslenie)* [Tsar and Patriarch: charisma of power in Russia (the Byzantine model and its Russian interpretation)]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury" Publ., 1998. (In Russian)
25. Khoroshkevich A. L. *Edinorog Bol'shoi gosudarstvennoi pečhati Ivana Groznogo [Unicorn on Great State Seal of Ivan the Terrible]. Problemy otechestvennoi istorii i kul'tury perioda feodalizma: chteniya pamyati V. B. Kobrina : tez. dokl. i soobshchenii, Moskva, 26—29 yanv. 1992 g. / otv. red. V. A. Murav'ev* [Problems of national history and culture of the feudal period: readings in memory of V. B. Kobrin: abstracts and messages, Moscow, 26—29 January 1992, executive ed. V. A. Muravyev]. Moscow, RGGU Publ., 1992. (In Russian)
26. Shevchenko M. N. *Uchenie o sushchnosti tsarskoi vlasti, izlozhennoe v Prostrannoii redaktsii china venchaniya na tsarstvo Velikogo knyazya Ioanna IV Vasil'evicha* [The doctrine of imperial power, given in an

extensive edition of coronation ceremony of Grand Duke Ivan IV Vasilyevich]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. "Istoricheskie nauki"*, 2016, no. 3 (11), pp. 156—161. (In Russian)

27. Shchapov Ya. N. K izucheniyu "China venchaniya na tsarstvo" Ivana IV [On "Coronation ceremony" of Ivan IV]. *Rimsko-konstantinopol'skoe nasledie na Rusi: Ideya vlasti i politicheskaya praktika: IX Mezhdunar. seminar istoricheskikh issledovaniy "Ot Rima k Tret'emu Rimu" (Moskva, 29—31 maya 1989 g.) / otv. red. A. N. Sakharov* [Roman Constantinople heritage in Russia: The idea of power and political practice: IX Intern. historical research seminar "From Rome to the Third Rome" (Moscow, 29—31 May 1989), executive ed. A. N. Sakharov]. Moscow, Nauka Publ., 1995. (In Russian)

28. Yuzefovich L. A. *Put' posla: Russkii posol'skii obychai. Obikhod. Etiket. Tseremonial: Konets XV — pervaya polovina XVII v.* [The way of Ambassador: Russian embassy custom. Everyday life. Etiquette. Ceremonial: Late XV — early XVII century]. St. Petersburg, Izd. Ivana Limbakha Publ., 2007. (In Russian)